

Проблемы метода культурно-исторической психологии

Ф.Т. Михайлов

доктор философских наук, профессор, действительный член РАО,
главный научный сотрудник Института философии РАН, зав. кафедрой философии и культурологии
Московского государственного медицинского университета, профессор психологического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова

В статье анализируются многогранная, противоречивая и часто трагическая судьба культурно-исторической психологии, теории В.В. Давыдова, истории Психологического института РАО, оригинальные теории тех, кто работает в школе Л.С. Выготского.

Рассматривая основания работ Л.С. Выготского, его учеников и последователей, автор формулирует центральный вопрос: как стала возможной исключительно субъективная мотивация всей произвольной и целесообразной деятельности человека, как возможна субъективная мотивация всех жизненных процессов *Homo sapiens*?

Постулат психологической теории звучит так: *все обеспечивающие жизнь человека телесные процедуры мотивированы их произвольным целополаганием, оставаясь при этом именно телесными, включенными в обмен веществ, зависимыми от простуд и вредных привычек.*

Субъективная мотивация всех представителей животного царства на планете Земля есть не что иное, как объективное самоопределение жизни в качестве *природного феномена*. Всеобщие **смысловые меры** мыслимости *Бытия* для теоретического осознания субъективной мотивации *бытия живого* определяют логику развития психологической теории. Это начало должно сохранять себя в определениях каждого шага теоретического осмысления интерсубъективного речевого поля, в котором человек и приобретает способность субъективно мотивировать все свои жизнедеятельности. «Единицей» этой способности служит не частная абстракция типа взаимопереходов реальных форм в идеальные и обратно, но акт **вести** – акт обращения к другим и к себе как к себе другому. Речевые средства обращения каждый раз переосмысливаются, творчески и по цели преобразуются, что и делает человека творцом языковых форм, даже самых простых и лишь на первый взгляд клишированных. И это не философия, подменяющая собой психологическую специфику исследования начал души, а именно психология в ее фундаментально-теоретическом обосновании.

Ключевые слова: культурно-историческая психология, теория учебной деятельности, предмет психологии, постулат теории, третья антиномия Канта, субъективность, телесность.

Исповедальное

Статья получилась скорее об авторе, чем о содержании, заявленном в названии заказанной редакцией темы. Но проблемы метода теории, которой нет, тоже явный нонсенс.

Прежде всего с душевной мукой констатирую: культурно-историческая психология превратилась в миф. Многие психологи используют терминологию Л.С. Выготского что называется для красного словца, формулируя личные научные проблемы в логике явного эмпиризма. В психологии господствуют методики практической коррекции психических аномалий. Модные концепты психоанализа, тесты и упражнения вытеснили саму идею культурного

историзма в формировании высших психических функций мудрого организма *Homo sapiens*.

Но суть кризиса психологии развития не только в ее эмпиристской ориентации. Личностные претензии ведущих за собой молодую поросль психологов играют не последнюю роль в этом кризисе. Назову только главных претендентов на звание учителя узкопрофессиональной психологической мудрости. Мне не легко объявить их имена, ибо все они, названные и неназванные здесь, – мои когда-то молодые, теперь же мои старые, любимые и ценные мной друзья, с которыми я провел не одно десятилетие и в спорах, и в согласии. Прежде других это Б.Д. Эльконин, В.В. Рубцов, В.И. Слободчиков, В.С. Лазарев. Те, кого я

пока не назвал, пусть меня простят, но думаю, что в данном случае они за «забывчивость» мою будут мне лишь благодарны.

Каждый из избранных претендует на верность своим учителям. Не раз приходилось слышать, например, от Бориса Эльконина: «Они нас учили нашей уникальной профессии – мы психологи, но не философы, не дай бог, и не теоретики без границ». Выходит так: к психологии отношения не имеют ни Спиноза, ни Локк, ни Кант, ни Гегель и тем более ни Карл Маркс, для многих психологов неодолимый, о котором поэтому и вспоминать-то им просто нечего. Хотя их учителя были открыты всей философской премудрости, в том числе и Маркса.

Встать на котурны учителя узкопрофессиональной психологии соблазнительно, но легко и свалиться с них. Однако эта опасность отступит на второй план, когда очень хочется поиграть в свои собственные школы, теша себя надеждой, что и все внимающие им рисуют ту же желанную картину: верность учителям как завоеванное право на собственную роль учителя. Но где эта их верность сегодня? Только зная, только символ – не более того. А если и есть прямые ссылки на труды А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурия, Л.И. Божович, Д.Б. Эльконина, П.Я. Гальперина – учителя Васи Давыдова (и моего), А.В. Запорожца, А.А. Смирнова, Н.А. Менчинской и других, то и они – дань уважения, но не деловой критики, без которой нет продвижения теории. Вот какими сомнениями мне срочно потребовалось поделиться с вами.

Добавлю: намек на не простые проблемы «новых учителей» не относится ни к В.П. Зинченко, давно выбравшему свой путь*, ни к моей любимой Л.Ф. Обуховой, трепетно и продуктивно развивающей идеи своего учителя П.Я. Гальперина. Я бы выделил и Г.А. Цукерман, проложившую свой перспективный путь в теоретической психологии.

Инженеры человеческих душ

Ориентацию проблем теоретической психологии на практику коррекции психических

аномалий я бы назвал профессиональной ограниченностью. Это в отличие от резкого и бескомпромиссного Карла Маркса, мало того, что назвавшего замкнутость теории на технологию ее «подразделов» *профессиональным кретинизмом*, но и проанализировавшего его историко-культурные, экономические и социальные причины, действовавшие с XVI в. при фабричной утилизации фундаментальных открытий в механике, затем физике, химии, биологии и т. д. Глаза жертв не клинического, а профессионального кретинизма давно уже вооружены особыми «очками», фурнитура которых позволяет настолько сузить предметное поле осмысления, что ведущей целью познания тайн матушки-природы становится разглядывание взаимопревращений отдельных наличных элементов только этого поля. Так и рождалась, укореняясь и в настоящем времени, логика «ползучего эмпиризма». Все изыски так называемой «философии науки» не выходят за рамки этой логики.

Но мне захотелось обратить ваше внимание не только на эмпиристскую логику науки, терпеливо служащей целям и средствам техногенной цивилизации. Есть еще один аспект этой ее службы – общественное осознание роли даже не столько ученых, сколько инженеров, превращающих добытые учеными формулы объективных процессов бытия в репродуктивную работу машин и механизмов, меняющих и облик планеты, и души населяющих ее людей.

Вспомним начало прошлого века. Героями *фантастических* романов и повестей, социальных утопий и околону научных пророчеств не случайно стали инженеры! Да те самые, тогда еще привилегированные «белоподкладочники», коим к середине XX в. предстояло (по крайней мере у нас) превратиться в незадачливых героев миниатюр Аркадия Райкина, живущих «как какой-нибудь инженер!» (это о неудачниках, получающих зарплату инженера, чье социальное положение на грани отрицания такового, а жизненное обустройство стремительно приближается к нищенскому).

Фигура инженера-одиночки, творящего и осуществляющего технологии будущих ма-

* В принципе, я солидарен с отчаянием Васи Давыдова, сказавшего мне незадолго до кончины своей буквально следующее: «Всё! Володя Зинченко перестал быть психологом, отдав пальму первенства поэзии и искусству, это симптом исторического кризиса психологии, о котором писал еще Л.С. Выготский». Но Володя верен главной идее старой статьи в «Вопросах философии», которую он вместе с Мерабом Мамардашвили опубликовал *на заре своей туманной юности*. Статья как раз о предмете психологии. И тогда они утверждали, что искусство открывает нам души людей более явно и полно, чем психология сегодня. И я ничего не могу с собой поделать – каждый год выхожу в свет книжки Зинченко, и я их с удовольствием читаю. Я люблю их автора за детскую непосредственность переживаний психологических глубин искусства! И вообще, он молодец – сытый славой недюжинный талант!

шин, космолетов, общественных устройств человечества (непрерывно всего сразу и навсегда), окончательно поблекла уже к 40-м гг. Но в начале века желанное для проектируемого будущего величие профессионального инженера было не случайным. Вспомним, например, инженеров Жюль Верна, инженеров А.А. Богданова (Малиновского) в его романах «Инженер Мэнни» и «Красная звезда». А вместе с ними и инженеров А.Н. Толстого (Лось в «Аэлите», Гарин в «Гиперболоиде инженера Гарина»). Эти и многие другие герои романов и повестей того времени не оставляли у читателей сомнения: будущее принадлежит тем, кто разрабатывает и творит механические (затем химические, биохимические, физические, технические) машины и «машины» общественного обустройства жизни людей. Их эксплуатация создаст всем нам истинный рай на Земле.

Всего лишь механика взаимодействия деталей этих машин – вот предмет осмысливания и результат изобретений, служащих людям, – таков подтекст самосознания нашей эпохи, ведущий за собой все тексты природоведческих и социальных наук, идеологов политики и... основ всех «подразделов» общего человековедения. В том числе и современной психологии. В предметное поле бесчисленных «подразделов» психологии входит именно механика «взаимодействий» наличных у индивида психических состояний, навязчивых мыслей и болезненных переживаний, требующих инженерной коррекции*.

А соответствующих им замкнутых на себя психологических *специальностей* сегодня так много, что только на перечисление их понадобится две-три страницы этой статьи. Зато теперь не только писатели, но и даже прежде них психологи претендуют на звание *инженеров человеческих душ!* Именно инженеров, занятых изучением и настройкой нормальных и лечением поврежденных механизмов работы нашей души.

Так и осуществился возврат психологии к картезианскому противопоставлению души с ее собственной и особой духовной «механикой» неизбывной телесности мира и человека с ее чисто физической механикой. Что и потребовало привлечения Творца к объяснению начала и причин существования и функциониро-

вания в мире бытия чисто субъективной субстанции. Для картезианства это неизбежно! Тут добавилась к логике Декарта механическая логика укоренения в основании всего общественного обустройства *политической власти* государства чиновников. Их власть не имеет никаких оснований для этого, а потому и требует идеологического, в данном случае единственно возможного – *религиозного* благословения.

Но вернемся к психологии и психологам. Хотя стоит вначале упомянуть физиологов. И.П. Павлов – механицист до мозга костей – не впутывал бога в процедуры создания у собак условного рефлекса. Его вера, если она была искренней, а не демонстративно антисоветской, являлась его личным достоянием, никак не отразившимся на его опытах. Но возврат психологии к располосованию телесности мира и организма человека с его субъективной ментальностью – возврат к Декарту, просто требует участия творца в формировании субъективности мотивов поведения Homo sapiens.

Передам в качестве анекдотов то, что мне рассказала моя старая приятельница – тогда сотрудник Ленинградского отделения Института мозга АН СССР. Хотя при явной анекдотичности ее рассказов они подтвердили историческую истинность направления исследований, которыми руководила тогда академик Н.П. Бехтерева. Вот живой недавний пример такого подтверждения.

В конце прошлого года в пансионате «Голицыно» Ю.Н. Афанасьев провел многодневную конференцию РГГУ. Я участвовал в ней на правах соглядатая в земле Ханаанской. Просто присутствовал – «без языка». Венчал конференцию традиционный «фуршетный» банкет. Стою за столиком психологов... Вдруг меня обнял незнакомец. И стал кричать на весь зал: «Вот он мой спаситель! Вот кому я новой своей жизнью обязан!» Его восторги продолжались до конца банкета. Он буквально таскал меня от стола к столу и всем рассказывал одно и то же. Если кратко, то вот суть его восторгов.

Он окончил 2-й Медицинский институт тогда, когда я заведовал кафедрой философии (впрочем, как и сейчас на полставки). Тогда я жил преподаванием истории философии под видом диамата и истмата. Он же распределился в Институт мозга, чем и гордился. Но не

* Обучение тайнам и механизмам психологии также уже разбито на специализированные курсы подготовки именно к этим специальностям в прямой ущерб для включения студентов в исследования поля нерешенных проблем фундаментальной психологической теории.

долго, ибо, прочитав мою книжку «Загадка человеческого Я», вдруг понял, что исследования в Институте мозга – «полная туфта»*. Стал врачом-психологом. Вот в этом он и видел свое «спасение».

Он многократно повторял эту историю, рассказывая попутно, чем, собственно, занималась в то время академик Н.П. Бехтерева. Этим он подтвердил историческую, уже известную мне анекдотичность ее исследований: поиск в нейронах головного мозга ... скрытых в них слов. Уже тогда руководитель столь мощного института утверждала, что душа обладает массой, а тем самым и весом. Поэтому, мол, тело покойника чуть-чуть легче, чем тело живого человека – как раз на вес отлетевшей души! Вот вам пример самого вульгарного материализма, требующего в дополнение к своей вульгарности еще и материи для субъективной ментальности человека! Логично и то, что сегодня академик Н.П. Бехтерева истово верит в православного бога. Ведь даже «материальная» душа куда-то улетает. Куда? Куда же ей, бедной, улететь, как не к богу. В качестве творца идеальной сущности мышления он просто необходим не только для вульгарного материалиста-физиолога, но и для психолога-картезианца.

Простой же, как мычание, факт так и остался вне внимания психологов: все телесные отправления человеческого организма *подчинены их субъективной мотивации*. Вместо поиска ответа на вопрос, как же это возможно, соматическое предопределение психологического развития индивида понимается как капризы его индивидуальной генетики. Потому и воскресла идея «борьбы» за судьбу индивида наследственности и внешней ему природной и общественной среды, контрарно противоречащая культурно-историческому подходу, не знающему иной «среды», за исключением речевой.

Тут я позволю себе цитату из произведения рано ушедшего из жизни В.В. Библихина: «Общение существует, поскольку есть что сообщить, а не наоборот – изыскивают, что бы такое сообщить, коль скоро существуют общение и его средства. В начале общения и общества стоит весть. Она извещает о событии, наступившем или наступающем. Язык раньше всего и в своем исходном существе уже присутствует в сообщении, на почве которого получает смысл общение. Язык в этом свете не столько

средство, сколько сама та среда, то развернутое событие и вестью о нем пространство, движение внутри которого оказывается бессмысленным. Если общение не одно из занятий в ряду прочих забот человека, а его способ осуществиться во встрече с другими, то язык, предполагаемый сообщением, и есть среда и пространство нашего исторического бытия, подобно тому как природное биологическое окружение – среда и пространство существования животных. Человек осуществляется, его история совершается не столько внутри природного окружения, сколько в среде языка, взятого не в его частной лексике и грамматике, а в его сути, сообщении. Дефиниция «язык есть средство человеческого общения» не стоит на своих ногах и, расплываясь, оставляет нас с другой, не столько дефиницией, сколько догадкой: язык в своем существе, вести – это среда, в которой сбывается историческое человеческое существо» [1, с. 16].

Не могу простить!

Вместо этой позиции, столь естественной для культурно-исторической логики Л.С. Выготского, мы имеем дело с разнокалиберным набором реальных абстракций, которыми богата жизнедеятельность человека. Это и ориентировка, и раздражимость, и реактивность, и поиск другого вне себя и в себе как *встреча*, без которой нет акта движения и развития психики...

К тому же ничем, кроме претензий на собственную научную значимость, я не могу объяснить грубое искажение истории Психологического института РАО в буклете, изданном к столетию института. В этом буклете, столь грубо искажившем историю института (кроме первого периода его создания и расцвета), В.В. Давыдов мимоходом упоминается как один из директоров института. Возможно, что это кому-то было выгодно, но...

Но названные выше мои друзья – нынешние учителя замкнутой на себя психологии – это все бывшие аспиранты В.В. Давыдова! Это он открыл им свободу личного творчества, он поддерживал их первые шаги в науке! Как они-то смирились с фальсификацией важнейшего и славнейшего периода его истории?!

Дело вот в чем. Я институту – человек не посторонний: при В.В. Давыдове я десять лет за-

* Его выражение.

ведовал теоретической лабораторией, был членом Ученого совета, заведующим отделом и т. д. и т. п. В эти годы членами моей лаборатории были Володя Библер (!), Толя Арсеньев (!), Саша Толстых – будущий академик и директор Института художественного воспитания РАО, Игорь Виноградов – бывший зав. отделом журнала А.Т. Твардовского «Новый мир», изгнанный за неподписание пасквиля на академика А.Д. Сахарова, слепоглухие выпускники факультета психологии МГУ (тогда – сенсация!). На полставки работал в нашей лаборатории и ответственный редактор Госполитиздата Эдуард Викторович Безчеревных.

Нашим лаборантом стал волей В.В. Давыдова бывший из-за преследований КГБ истопником, а потом и служителем раздевалки Психологического института А. Сурмава. Членом лаборатории был и Л. Радзиховский... Он часто выступал на семинарах, говорил долго и вроде бы по делу. Но когда Васю исключили из партии и он «сам ушел» с поста директора института на заведование маленькой лабораторией мышления дошкольника в Институте дошкольного воспитания под крылышко нашего общего друга Н.Н. Поддьякова, Леонид выступал на собраниях Института психологии с обвинением нашей лаборатории: «За все годы своего существования лаборатория ничего не дала науке». Теперь он известный *политолух* (это не опечатка: так я определяю профессиональных политтехнологов, способных из ничтожества «раскрутить» члена Думы, члена правительства и т. п.).

А между прочим, именно в это время наша лаборатория подготовила к изданию книгу «Психолого-педагогические проблемы образования» (21 печ. л.). При обсуждении рукописи книги на специально созданной комиссии расплакалась (это буквально) одна женщина из Питера, между прочим, академик: «Я не позволю издеваться над *советской педагогикой!*» Решение комиссии: книгу сократить, членам академии на нее не ссылаться. При издании книги от 21 листа осталось... 7! Самое смешное, что возмутившие всех членов комиссии три главы, написанные А.С. Арсеньевым, были опубликованы, а, например, моя глава об историзме психолого-педагогической мысли, куда более спокойная и академическая, была сокращена до... 2 страниц! Так и вышла в свет: название главы, страница и тут же следующая глава, написанная другим автором – Э.В. Безчеревных. Но да-

же в таком виде книга произвела сенсацию: были опубликованы блестящие отзывы коллег из Праги, поток хвалебных рецензий из российской «глубинки» – университетов Красноярска, Новосибирска, Барнаула и др. Незадолго до своей кончины Вася переиздал эту книжицу, считая ее актуальной.

Но и это не главное. Главное: все эти годы в битком набитой Большой психологической аудитории проходили общемосковские теоретические семинары. С докладами выступали П.Я. Гальперин, А.Н. Леонтьев, Э.В. Ильенков, В.С. Библер, Андрей Брушлинский (вот бы найти его убийцу – на клочки бы разорвал!), А.А. Бодалёв, ратовавший за признание и равное Л.С. Выготскому возвеличивание А.Н. Ананьева, Б.Ф. Ломова и других ленинградцев, Г.П. Щедровицкий, ваш покорный слуга и многие другие. Жесткие, бескомпромиссные обсуждения докладов волновали участников, мы тогда жили от семинара к семинару. Но и этого мало!

А какие «капустники» придумывали и искрометно исполняли молодые сотрудники института! Да и сегодня, когда по тому или иному поводу в аудитории включаются их записи, смех, радость возвращения в молодость делают счастливыми теперь уже «стариков». Разве не радостно вдруг увидеть, как не по сценарию, а от восторга выбегал на сцену сам В.В. Давыдов и пел свои любимые песни полной грудью, на всю аудиторию: «Бежал бродяга с Сахалина», «Конфетки-бараночки» и др. И еще!

Президент Академии педагогических наук (АПН) В.Н. Столетов своим распоряжением отстранил от преподавания курса кандидатского минимума по философии аспирантам академии двух самых, пожалуй, талантливых профессоров-лекторов МГУ, назначив на их место А.С. Арсеньева и меня. Аспирантов в академии было очень много, их разбили на три группы. И каждый понедельник мы с Толей по три часа читали свои лекции. (Мне достались две группы, я читал шесть часов подряд после Анатолия.) Так вот нынешние учителя молодежи, тогда аспиранты – все вышеперечисленные, не только посещали эти лекции, но по крайней мере Б. Эльконин, В. Слободчиков, В. Рубцов, да и другие, ухитрялись, прослушав лекцию Арсеньева, остаться на мою первую. Аргумент: «Арсеньев как гвозди забивает – логика железная, а вы, Ф.Т., увлекаете эмоционально, говоря почти то же самое, что и Арсеньев». Молодые они были, веселые и увлеченные. Философия

для них была открытой и нужной культурой мысли. Да и пример был потрясающий – сам Вася Давыдов. Где-то я уже писал о своем открытии Давыдова (и это после двух десятилетий дружбы!).

Решили мы однажды похитить Эвальда Ильенкова с семинара, который он вел тогда на факультете психологии МГУ. То ли вместе выпить захотелось, то ли соскучились по его обществу. Зашли. С докладом о философии Спинозы, если память меня не подводит, выступал А. Сурмава*. Сидим, ждем... Вдруг Вася просит Эвальда: «Дай-ка мне слово». И примерно минут двадцать Вася рассказывает Спинозу. Да как! С блестящим знанием текстов, творчески, по-новому для меня, в Спинозу влюбленного! Я ушам своим не верил: кто же такой «мой Вася», как любил называть его Эвальд Ильенков? Философ милостью божьей? Психолог без границ, теоретик широкого профиля?

И вот после той свободы мысли и творческой атмосферы в институте, которой мы обязаны В.В. Давыдову, его ученики спокойно отнеслись к исключению из истории института времени, сделавшего их психологами.

Так и хочется выплеснуть свое чувство словами песни Владимира Высоцкого: «И ни церковь, ни кабак – ничего не свято! Нет, ребята, всё не так, всё не так, ребята». Эх, раз, еще раз, еще много, много, много раз... мы будем повторять слова, трижды произнесенные апостолом Петром до первого крика петуха.

«Трагедия» В.В. Давыдова

Однажды директор института В.В. Давыдов отчитывался на Ученом совете о работе своей лаборатории. Присутствовал на Совете и президент академии – Всеволод Николаевич Столетов. В своем выступлении он сказал: если бы так работали все лаборатории АПН, то только тогда ее можно было бы смело называть академией, а не методическим кабинетом при Министерстве образования. Но тут задала свой сакраментальный вопрос Н.А. Менчинская: «Василий Васильевич, а наша школа примет вашу концепцию и нормативы ее?» Вася очаровательно улыбнулся: «Если бы наша школа смогла ее принять, то я бы решил, что моя чисто теоретическая кон-

цепция никуда не годится!» Вот ответ философа и психолога-теоретика!

Однако его все-таки «достали» цековские и министерские владельцы АПН! Вася распорядился, дав каждому члену своей лаборатории приказ подготовить (хотя бы для отчета) рекомендации и нормативы школьного образования по концепции Д.Б. Эльконина – В.В. Давыдова. И скоро одна из комнаток его лаборатории в школе № 91 была до отказа забита папками с показной верностью министерскому приказу. Но это не помогло. В ЦК КПСС управляли всей наукой бывшие преподаватели истории КПСС и, как правило, бывшие секретари парторганизации МГУ. В нашем случае – Трапезников и Абакумов.

Трапезников возглавлял партийное руководство всей наукой. О нем достаточно сказать, что, собрав у себя заведующих общественными (идеологическими) кафедрами, он признался: «Сейчас модно критиковать товарища Сталина за культ личности. Но товарищ Сталин – один из четырех классиков марксизма. Я, например, прежде чем сесть за работу, всегда открываю один из томов его собрания сочинений, да, думаю, что и все вы постоянно обращаетесь к первоисточнику марксизма, почему-то стеснясь этого. Сталин был мудр, учиться у него необходимо каждому из нас». И еще: «Проверка показала, что историки партии вышли на требуемую высоту стоящих перед ними задач, а вот философы отстали от них, остались теми же догматиками, преклоняющимися перед прогнившей насквозь западной философией».

Естественно то, что свободно мыслящий и действующий В.В. Давыдов был бельмом на глазу партийного руководства наукой. Его необходимо было сменить на послушного партийного товарища. Для чего и была создана комиссия ЦК, возглавляемая А.А. Абакумовым, заместителем Трапезникова. Мрачный, нелюбимый «А в кубе», как мы тут же прозвали его, он в пальто, наброшенном на плечи, один ходил по коридорам института, время от времени вызывая по одиночке сотрудников института. Выходили они от него чем-то явно напуганные и расстроенные. Наконец, был готов и вывод «комиссии ЦК».

В.В. Давыдов обвинялся в следующих смертных грехах: встречая иностранную деле-

*Список обязательной литературы для участников семинара, составленный Эвальдом, не только объемён, но профессионально труден: в нем все три тома «Науки логики» Г.В. Гегеля, «Критики» И. Канта, труды Р. Декарта, Б. Спинозы, Дж. Локка, Э. Гуссерля и Л. Витгенштейна. Всех я уже и не упомяну.

гацию, Давыдов одет был небрежно, галстук съехал с шеи, клочок волос на лбу – явно пьяный, и вообще, он запойный пьяница. Кроме того, сексуально озабоченный, склонявшийся к греху всех аспиранток и молодых сотрудниц; к тому же и лабораторный шкаф увез к себе на дачу. Вы не поверите, но эти обвинения именно так и были сформулированы. При обсуждении справки коллективом института все они развеялись как дым. Сотрудники дружно доказывали, что пьет Вася, как и всякий порядочный человек в тогдашнее время – не больше, но и не меньше. Никакой он не сексуальный маньяк: нежно любит свою жену Люцию и не менее нежно, но на расстоянии и первую свою жену – Галю Давыдову, с которой расстался по ее инициативе. Что касается лабораторного шкафа, якобы увезенного на дачу, то и это дикая чушь по двум причинам. Во-первых, у Васи никогда не было дачи. Во-вторых, есть официальный документ, подтверждающий, что «многоуважаемый шкаф» рассыпался самостоятельно и был выброшен на помойку как старая рухлядь. «Комиссия» убралась из института ни с чем. Но наши *partai genosse* повторили кунштюк В.Н. Столетова, хитро добившегося вопреки установкам ЦК КПСС назначения В.В. Давыдова директором института*.

Не раз говорил мне Всеволод Николаевич, с которым у меня были самые доверительные отношения, что он уйдет с поста президента АПН только в том случае, если ему удастся посадить в кресло президента АПН В.В. Давыдова. Но для начала надо сделать его директором Психологического института. Я выразил сомнение в том, что это ему удастся без благословения Трапезникова. «Неужели вы хотите обратиться к Сулову?» – спросил я. «Что вы! Он тут же вызовет Трапезникова, и тот ему так распишет Давыдова, что его сразу же снимут с работы!» Вскоре В.Н. Столетов попросил меня зайти к нему в неурочный час. «У меня просьба, – ска-

зал президент. – Попросите секретаря парторганизации Института психологии зайти ко мне завтра рано утром, пока никого в приемной не будет. А Давыдову, улетающему на три дня в Болгарию, передайте мой приказ: задержаться там, на неделю – не менее. Приказ подписан, деньги выделены».

Как В.Н. Столетов рассказал мне позже, он попросил секретаря, готовящего в это время отчетно-перевыборное собрание, сделать всё, чтобы ставленник ЦК, недавно уличенный в плагиате, не был избран в бюро парторганизации института, а Вася прошел бы с впечатляющим перевесом голосов. Так и «случилось». После этого В.Н. Столетов напросился на прием к секретарю райкома партии, хотя тот, выказав уважение В.Н. Столетову, собрался сам приехать к нему. Но президент приехал в райком и попросил бюро райкома поддержать кандидатуру В.В. Давыдова, хотя райком не та номенклатура, от которой зависит назначение директоров крупных научных учреждений. Райком поддержал, горком не стал спорить с райкомом и согласился с его решением. В.В. Давыдов вернулся из Болгарии директором института.

Так вот, тот же кунштюк проделал и Абакумов. Когда затея с цековской комиссией провалилась, Васю вызвали на бюро того же райкома и предъявили ему обвинения Абакумова – и про пьянство, и про шкаф. Вася не выдержал и в запальчивости спросил: «Где я нахожусь – в райкоме или на кухне Вороньей слободки?» Секретарь райкома попросил Давыдова и секретаря парторганизации института выйти на пару минут. Позвали их, и секретарь спросил: «Василий Васильевич, у вас с собой партбилет?» – «Естественно, – ответил Давыдов и протянул его секретарю. Тот положил Васин партбилет в стол и сказал: «Решением бюро райкома за безобразное поведение на заседании бюро вы исключаетесь из партии».

* Я примерно в то же время пережил точно такой же наскок партийных органов, от райкома до ЦК. Меня тоже надо было срочно заменить. И три комиссии райкома и одна горкома партии проверяли работу моей кафедры. И, будто назло инициаторам моего увольнения «за крупные методологические ошибки», все комиссии, вопреки твердым установкам райкома и горкома, дали самые положительные, чуть ли не восторженные отзывы о работе кафедры. Все обвинения, подсказанные парторганами, рассеивались как дым. Каждый из председателей этих комиссий, рекрутированных из преподавателей философии МГУ, по секрету рассказывал мне, как их инструктировали парторганы. И если бы не один, как я его называю, *склизкий человек*, уволенный перед этим за склоки с кафедры философии 3-го Медицинского института (он, простите за вульгаризм, просто пёр в заведующие), по заданию инструктора Ленинского райкома КПСС написал особое мнение. В нем кроме всего прочего поставил мне в вину то, что даже в год ленинского юбилея в экзаменационных билетах кафедры нет ни одной работы Ильича. Я тут же попросил лаборанта принести наши билеты. «Они только что напечатали их», – предупредил комиссию склизкий тип. (Он давно уже профессор философии МГУ.) Билеты оказались потрепанными, старыми, уже несколько лет служившими нам. Почти в каждом – работа Ленина. Я вел себя как типичный *infant terrible*: «Как бы я ни относился к Ленину как к философу, не совсем же я дурак, чтобы демонстративно исключать его работы из общего курса философии». У комиссии ничего не вышло, но родная партия нашла-таки способ принудить меня к уходу «по собственному желанию». По собственному желанию партии и правительства.

Узнав об этом, я тут же позвонил Васе. К телефону подошла Люция Васильевна – жена. «Как Вася?» – спросил я. «Ты не поверишь, но он чрезвычайно весел, с упоением работает и говорит: наконец-то я избавился от них!» При всех наших дальнейших встречах с Василием я наблюдал эту же картину: мой герой был неугомонным в работе, весел и горд. Стараниями академика Велихова и многих других, истинно ученых, исключение из партии было отменено, но на пост директора назначен вполне управляемый человек. Таким образом, я не случайно взял в кавычки слово «трагедия» Давыдова. Истинная его трагедия была и осталась иной: школы формального образования *приняли и по-своему освоили* его теорию обобщения в обучении. Начну с примеров.

Как Столетов спас Давыдова, а заодно и меня

Один из старых Васиных и моих друзей, член-корреспондент Академии образования, недавно обрушил на меня целый поток незаслуженной критики. «Вы оба – проклятые либералы, разрушившие самую лучшую школу в мире – советскую школу! Всем, чем вы с Васей в конце концов стали, вы оба обязаны нашей школе. А ваш либеральный патрон – В.Н. Столетов спокойно предал вас, когда для него самого запахло жареным».

Вдвойне ошибся наш критик. Во-первых, не знаю как Вася, но я и в школе, и в университете учился плохо. Недаром, как ни трудно в это поверить сейчас, Мераб Мамардашвили на комсомольском собрании курса отчаянно ругал меня за непосещение лекций и четверки по физике и педагогике. «Феликс тянет наш курс назад!» – уверял он комсомольцев курса. А в школе мое положение было еще хуже: прогулы, лень, невыполнение домашних заданий. Нет, в конце концов нас формировала не столько школа, сколько наши с Васей дружеские связи с культурно развитыми одногодками и взрослыми людьми, озаренными талантом творчества. Это и наши друзья, и учителя в университете на протяжении всей нашей жизни сделали нас с Васей именно такими, какими мы стали, независимо от оценки кем бы то ни было этого «результата» творческого общения с ними. Это во-первых, а во-вторых, вот как нас «предал» президент АПН СССР В.Н. Столетов.

Когда справка комиссии ЦК КПСС была отвергнута институтом, Абакумов не успокоился. Еще более топорная справка была передана на суд Отдела школ этого самого ЦК. Руководил расправой сам Трапезников. И вот что Всеволод Николаевич рассказал мне позже.

В президиуме он сидел рядом с Трапезниковым. Скопив глаза, он смог прочитать проект постановления столь высокого собрания. Наклонившись к уху председателя, он сообщил ему буквально следующее: «В проекте явная ошибка: в подтверждение того, что Давыдов принимал на работу явных диссидентов, приведен пример Ф.Т. Михайлова, якобы уволенного из 2-го Мединститута с партийным выговором за серьезные методологические ошибки. Но в академию пригласил его не В.В. Давыдов, он даже не знал о том, что именно я, бывший до того министром высшего и среднего специального образования Российской Федерации, следил за историей кафедры Михайлова и знал ее, увы, бесславный конец. Именно я пригласил его организовать при Президиуме АПН, а не при институте Давыдова теоретическую лабораторию. Это не понравилось некоторым членам президиума, и я перевел лабораторию вначале в НИИ СИМО и только через несколько лет – в институт Давыдова. Но вы знаете: я человек осторожный. Первым делом я позвонил секретарю парткома 2-го Мединститута, спросив, какие партвызыскания имел Михайлов. «Никаких вызысканий, только благодарности», – ответил тот. Тогда я позвонил в райком партии и спросил: может ли член партии и секретарь парткома института не знать о партвызысканиях члена партии, работавшего в этом институте? Нет, такого быть не может, ответили мне, и тогда я пригласил Михайлова с чистым сердцем». – «Вопрос не подготовлен!» – взревел Трапезников, разрывая проект постановления. Вот так «предал» нас В.Н. Столетов.

А теперь – о настоящем времени.

Невзирая на трудности передвижения по планете, предопределенные тяжелой болезнью, я присутствовал на последнем семинаре лаборатории Бориса Эльконина. Его цель была в подведении итогов первого этапа реализации общей концепции школы Д.Б. Эльконина – В.В. Давыдова и определении дальнейшего пути развития данной концепции в практиках этих школ. Единственный владетель не только лабораторий, но и всей программы их развития, Борис Эльконин в вводной части своего

установочного доклада констатировал: первый этап программы успешно завершен. Задача заключается в теоретическом обосновании следующего этапа.

Мой комментарий: как координатор и эксперт другого движения, эврикианского, я неплохо знаю работу 600 школ – экспериментальных площадок Российской Федерации. Среди них немало школ, работающих по программе Д.Б. Эльконина – В.В. Давыдова. Утверждаю: в них и с ними произошло то, что предсказывал Василий Васильевич в своем ответе Н.А. Менчинской. Получилось нечто прелестное: теория сама по себе, практика ей соответствует номинально. Недаром руководство эврикианской сетью школ после доклада Бориса (на совещании ее экспертов), претендовавшего на обоснование возможности органической связи школ, работающих по системе Д.Б. Эльконина – В.В. Давыдова, с «Эврикой», заявило: нам не по пути с умершим движением.

Что же касается второго этапа – теоретической разработки образовательных программ, то, откровенно говоря, я не очень понял его теоретической установки на будущее. На доске он (Б.Д. Эльконин. – *Прим. ред.*) провел три линии, на каждой обозначив как-то связанными между собой точками нечто теоретически значимое. Лексика Бориса оставалась столь же сложной. И понял я только то, что было определено как теоретическое основание дальнейшего развития школ Д.Б. Эльконина – В.В. Давыдова. Возможно, что таковым должна стать концепция *Шага развития* как *Единицы* (отправной точки всей теории). Шаг в развитии – переход от освоенного ребенком *идеального* образца заданного ему предмета к новой его *реальности* – к решению новых задач и примеров, закрепляющих памятью словесное определение новых для ребенка правил. Так будет на практике, хотя Борисом предполагается нечто иное. В конечном счете слияние теории с практикой обучения, которая на деле более похожа на дрессировку.

И это не случайно. Я был оппонентом на его защите докторской диссертации и внимательным читателем его книги. На церемонии защиты я сказал, что члены специализированного совета присутствуют не только на защите докторской, но при рождении новой и весьма перспективной психолого-педагогической теории. Ибо был и остаюсь непримиримым врагом эмпиризма и тощих абстракций в качестве посту-

латов иных подходов к самой главной проблеме психологии – к проблеме саморазвития человеческой субъективности, мотивирующей всю жизнедеятельность Homo sapiens. Интенции диссертации Бориса позволяли мне так верить в него и так говорить о нем.

Но не менее непримирим я и к замкнутым на себя частным разработкам профессионального тезауруса. Облегчить мою задачу их критика должна была бы четкость выводов автора, приведенных в конце его книги «Введение в психологию развития» [6, с. 165–167]. Однако не случайно и то, что чуть ли не нарочитая сложность, модернистская изощренность лексики автора трудно проницаемы.

Первый тезис Бориса: «Общим и абстрактным представлением акта развития является идущее от Л.С. Выготского представление о нём как о соотношении реальной и идеальной форм» [там же, с. 165]. Это не что иное, как претензия на определение постулата новой теории, но...

Мы действительно встречаем у Л.С. Выготского понятие идеальной и реальной форм у каждого акта творения новых смыслов. И о знаковом опосредствовании субъект-субъектной коммуникации было написано им не мало. Правда, в самом начале его творчества. Но в его последних, «спинозовских» трудах идею знакового опосредствования вытесняет понятие о интерсубъективном речевом поле. Кстати, мне не раз приходилось доказывать в своих работах, что душа посредников не знает. Динамичное тождество интер- и интрасубъективности подтверждает истину афоризма Гёте: нет ничего у нас внутри, всё, что внутри, то всё снаружи. «Снаружи» у нас субъективность мира речи, мира мысли, ибо каждый из нас живет целесообразно и произвольно, обращаясь к этому миру за со-чувствием, со-мыслием и со-действием. «Единица» психического, искомая Борисом Эльconiным, не *шаг* в развитии, а *акт вести, акт обращения к другим и к себе как к некоему другому*. Отсюда прав Кант, утверждавший, что нас равно наполняют восторгом звезды над нами и нравственное чувство внутри нас. Прав и Генрих Риккерт, считавший нравственное чувство – совесть – первой основой знания.

Таким образом, главный тезис теории Бориса Эльконина, претендующий на постулат новой теории, выбран произвольно и не очень удачно. Свести творческий акт полагания себя

индивидом в качестве субъекта развития к динамике переходов идеальных и реальных форм субъективного развития значит эксплуатировать одну из возможных абстракций, но не истинную проблему общего человековедения и психологии в том числе: *как стала возможной исключительно субъективная мотивация всей произвольной и целесообразной жизнедеятельности человека?*

К тому же я должен заметить, что *идеальное* и *реальное* не психологические категории. Это развитые *меры* мыслимости некоего *Нечто*. Когда-то А.С. Арсеньев на своих лекциях (адресованных Борису в числе прочих) «забивал гвозди», издеваясь над эмпиристским и натуралистическим определением идеального и материального. Он утверждал вполне грамотно, что в философии нет никакого идеализма и материализма. Есть только исследование категорий. Добавлю, что именно Гегель остался непонятым при господстве техногенного натурализма в самой философии. Его «Философия природы» отнюдь не подчинение природных процессов логике категорий, а демонстрация того, что все наши суждения о природе подчинены *мерам* мыслимости ее бытия. «Есть и не есть», «ближе и дальше», «существенное и несущественное», «идеальное и реальное» и т. д. – это не формы самой реальности, а только смысловые *меры* ее освоения мышлением.

Сказать, что реальное и идеальное – это «объективно» присущие психике человека формы движения человеческой субъективности, значит, либо ничего не сказать, либо сказать нечто подобное такой максиме: квадрат, гипотенуза и бесконечно малые реально существуют в природе и только осознание их объективной реальности превращает их в меры мыслимого Мира. Так и реальное и идеальное – обычная категориальная (мерная) пара, внутреннее противоречие которой – движущая сила любой мысли. Предвосхищая ваше обращение к третьей антиномии чистого разума Канта: «идеальное реально, реальное идеально», ибо поиск нового смысла в поисковом движении самой мысли опирается на идеальный образец – на платоновскую идею*.

Но «образ» (образец) есть реальность смыслового основания поиска мыслью новой, более соответствующей *замыслу* меры мыслимого. Уже тем самым реальное и идеальное не могут вдруг стать профессионально психологическими категориями, как и все прочие *меры мыслимости* любого мыслимого предмета.

Да, субъект совершенно верно понимается автором не как идеализированный (воображаемый, мыслимый) объект, а как *субъект совершенного действия*. «Субъективность – это определенный режим жизни, а не характеристика наблюдаемого индивида». Отлично сказано! Только вот вся «механика» взаимопревращения идеальных и реальных *форм* удаляет нас от главного вопроса теории человеческого бытия. Вспомним же «Весть» В.В. Биbihина – вот истинное продолжение идей Л.С. Выготского, всю свою творческую жизнь критиковавшего себя, состоявшегося. А теперь об отце Бориса Эльконина – психологе-классике, ученике и друге Л.С. Выготского.

Мне всю мою жизнь везет и на друзей, и на работу, вообще на всё. Вот точно так же мне крупно повезло на многолетнее общение с Даниилом Борисовичем Элькониним. Так уж случилось, что мы все время оказывались вместе и в купе поезда, уносившего нас то в Прагу, то в Берлин и в составе делегаций, и персонально нас двоих. Последнее обстоятельство объясняется тем, что В.Н. Столетов включил только нас в редколлегию учебника «Педагогика», издаваемого двумя академиями педагогических наук – нашей и немецкой. Участвовать в работе редколлегии приходилось часто**.

Однажды немцы не смогли достать нам билеты до Москвы и оставили нас в номере гостиницы Совета министров ГДР, дали денег на пропитание, и мы дней пять одни, никем не тревожимые, слонялись по Берлину, посетили все великолепные музеи, ходили в кинотеатры (я переводил Д.Б.***). Были мы и на опереспектакле «Кармен», постановщик которой – известнейший Фельзенштайн – сотворил пятитомную «компот» из текста Мериме и оперы Бизе. Микаэлу великолепно пела и играла на-

* Кстати, именно Платон начал и победно завершил анализ идеи (идеального) как образцовой реальности. Тут ничего нельзя ни добавить, ни убавить.

** Правда, вскоре я был освобожден Столетовым от участия в редколлегии. Причина: президент АПН ГДР Герхард Нойнер тайно от Столетова передал мою главу в ЦК СЕПГ, откуда с соответствующей реляцией мой текст поступил в ЦК КПСС, где, естественно, вызвал возмущение, а Столетов получил нагоняй. После этого наш президент прекратил какие-либо отношения с Нойнером, между прочим, личным другом Марго Хонеккер, министром образования ГДР. Учебник вышел с главой Д.Б., но, естественно, без моей главы. Чем я несказанно рад: учебник на редкость плохой.

*** Д.Б. Эльконин.

ша Галина Писаренко на берлинском диалекте, да так, будто бы она и все ее предки прожили свои жизни именно в Берлине.

Как вы понимаете, времени для теоретических бесед по душам у нас было более чем достаточно. Споры вспыхивали часто. Особенно часто я нападал на Д.Б., отчаянно критикуя идею ведущих деятельностей разных возрастов. Основание: переходы от блестяще проанализированной Д.Б. игры дошкольников к учебной деятельности, а в подростковом возрасте от нее к поискам себя в разных ребятах и взрослых общностях я не мог принять, потому что это превращенные, социально оформленные формы реального развития ребенка. Я настаивал на том, что в истории и сегодня в разных социокультурных общностях господствуют другие формы так называемой социализации. Дети становятся взрослыми и у цыган, не знающих школы, и у американских индейцев, живущих в резервациях, и у других народов, традиции которых не сопоставимы с европейскими. Психолог не имеет права ограничивать себя тем, что у него под рукой.

Д.Б. отвечал: «Я – психолог-экспериментатор, имею дело с тем, что есть. Выдумывать закономерности взросления у тех народов, с жизнью которых я знаком только по литературе, не имею права».

И вот однажды, только мы вошли в свое купе, Д.Б. восторженно рассказал мне о своем открытии, подсказанном поведением его внука. «Сижу я за работой, захотелось пить, и я попросил четырехлетнего внука, занятого чем-то своим, детским, принести мне с журнального столика блюдце и чашку с остывшим чаем. Он восторженно бросился к столику на колесиках, схватил чашку с блюдцем и, более не обращая на свою ношу никакого внимания, благополучно донес ее. Надо было видеть его глаза, улыбку, чтобы понять: ребенку нужен был я, он всем тем, что называется жизнью его организма, был аффективным вызовом мне, *обращением* ко мне, предьявленным моему вниманию всей своей детской субъективностью!» Далее вывод классика психологии: человек живет в мире смыслов и аффектов, обращенных к нему и об-

ращаемых им к другим, а не предметами так называемой *предметной деятельности*. Позже свое открытие Д.Б. опубликовал в одном из номеров «Вестника Московского университета», Серия «Психология». Таков был акт возвращения Даниила Борисовича к учению своего друга и учителя Л.С. Выготского.

И как-то всё сразу стало ясным: существует иная, не формальная, подчиненная социальным формам техногенной цивилизации закономерность развития ребенка, а психологически естественная его собственная зависимость от океана речи взрослых и детей, представляющих ему свои неповторимые личности (дорогие для него или просто необходимые). И тогда вместо строгой Марьи Ивановны в школе формального обучения его встретит иной, не классно-урочный уклад нового этапа его жизни (такой, например, как форма *культурно-образовательного центра*). Эта форма, объединившая и маленьких, и взрослых в одной, им лично нужной и интересной задаче – освоении разных потоков культуры, включая рукодельную и профессиональную, предоставляла бы ему возможность личного выбора. В этом случае «учебная деятельность», по Д.Б. Эльконину и В.В. Давыдову, прекратила бы свое существование. Ведь это живое общение, а не учебная деятельность ребенка по надуманным схемам освоения языка предмета, а не речи на его языке*.

Но даже с таким расхождением теоретического основания концепции Д.Б. Эльконина – В.В. Давыдова с практикой школ не всё так уж трагично. Во-первых, учителя ряда школ, непосредственно руководимых Б.Д. Элькониним, как он утверждает, всерьез тянутся к теории, стараясь привести в соответствие с ней предметность всех уроков. Пусть не очень получается, но важно и старание. Во-вторых, есть и такие «нарушения» достаточно строгих канонов этой теории, которые творят нечто принципиально новое, но исключительно продуктивное не только для школ Д.Б. Эльконина – В.В. Давыдова. Прежде всего я имею в виду учебники по литературе с полной «корзиной» всех необходимых учителю и ученикам материалов, подготовленных уже не только для на-

* Идею и образ культурно-образовательного центра я со своими коллегами выдвинул и обосновал в конце 70-х – начале 80-х гг. прошлого века. Ее поддержал вице-президент АПН СССР Виктор Геннадьевич Зубов, известный физик и педагог. Узнав, что под Целиноградом такой центр создается, он воскликнул: «Бросаю всё – Москву, академию, МГУ, еду к вам! Скажите только, в каких видах профессиональной работы нуждается тот совхоз, где вы создаете свой Центр». Я принес ему все наши разработки. Но он вскоре умер, после непрерывной серии инфарктов. А какой был человек! Искрометно остроумный, смелый до отчаяния. Вот кого я искренно и навсегда любил в старой академии.

чальной школы, но и для старших классов. Они созданы лауреатами Государственной премии (за эти учебные пособия) Галиной Николаевной Кудиной и поэтессой Зинаидой Николаевной Новлянской – ученицами В.В. Давыдова. Это совершенно фантастические учебники! Моя внучка, которой еще нет 6 лет, читает подаренный ими учебник для второго класса как поэму А.С. Пушкина. В нём ей почти всё знакомо по детским книжкам – от Л.Н. Толстого до современных детских сказочников и поэтов. Нет idiotских вопросов к каждому стихотворению или сказке, без промаха убивающих способность восприятия поэзии*. Нет в нём и псевдонаучных определений метафоры, поэтических стилей и т. п. Их учебники заражают энергией словесного творчества: знакомые с раннего детства сказки, стихи, рассказы ненавязчиво, подспудно позволяют детям самим понять, что такое метафора и какие стили в прозе и поэзии, в том числе и в библейской «Песне песней», и в сурах Корана, и в религиозной буддийской поэтике. Не говоря уже о классиках родной и иностранной литературы. Так вот, соответствующая комиссия Министерства образования не дает учебникам Г.Н. Кудиной и З.Н. Новлянской грифа допуска к изданию новых учебников!

Вместо них искусно «продавливаются» через сито министерских разрешений нечто окончательно уродливое и опасное. При господстве воинствующего атеизма псевдокоммунистической идеологии из сказок Андерсена, русских сказок, рассказов для детей Л.Н. Толстого изымалось любое упоминание о псалмах и всех иных религиозных ценностях культуры. Новые, уверенные в себе и безответственные создатели учебных программ, учебников и книг для чтения вдруг решили сегодня, что в сказках и сказаниях, рассказах и стихах много трагического, что, по их мнению, плохо сказывается на мировосприятии ребенка. Теперь всё будет иначе: волк проводит Красную Шапочку к бабушке и они будут пить чай с пирожками. Петух и Музгарка в «Зимовье на Студеной», естественно, останутся живы и спасут героя. Русалочка выйдет замуж за принца, а в «Военной тайне» А.П. Гайдара герой не умрет от брошенного врагом камня, а героически спеленает врага и приведет к пограничникам.

Идиотизм! Иначе не скажешь. А я-то, оказывается, глупый малыш, до школы и в начальной школе неудержимо рыдал, переживая как личную трагедию гибель героев этих произведений. Но каким бы прекраснородным болваном вырос бы я, если бы мир взрослых не открылся бы мне и своей трагической стороной! Вот все эти изыски субъектов властного бюрократического руководства образованием, выбрасывающие наследие Д.Б. Эльконина – В.В. Давыдова на свалку истории, как и все неувязки (мягко говоря) теории культурно-исторического определения формирования человеческой субъективности с канонами формального образования, я считаю истинной трагедией В.В. Давыдова.

Не случайно же один из учеников новых учителей заявил недавно, что он готов «раздолбать» теорию Л.С. Выготского и всех выготчан, доказав их марксистскую ограниченность и полную бесплодность. Что ж, подождем и этого сюрприза, инспирированного отступничеством учителей столь воинственного молодого человека.

О постулатах

Итак, начну с поиска истинного постулата человековедения, учитывая тот факт, что субъективно-ментальная мотивировка каждого будущего шага в развитии собственно человеческой жизнедеятельности возвращает нас к третьей антиномии чистого разума И. Канта [2, с. 414–417].

С одной стороны, правы те, кто включает жизнь человека в причинно-следственные отношения с внешним миром (тезис). Но, с другой стороны, человек живет своим будущим, мотивируя каждое жизнедействие свое образом его цели (антитезис). Потому, в отличие от всего живого на планете, человек творит себя произвольно и целесообразно!

Такова третья антиномия чистого разума.

Теперь – главное! Л.С. Выготский стоял на этой же платформе. И именно от этой позиции удалились наделенные исключительно профессиональными «очками» властители новых психологических технологий, искатели нового начала (нового постулата) именно психологии как на себя замкнутой науки. Л.С. Выготский –

* Пример: в стандартном, с министерским грифом, издаваемом не одно десятилетие учебнике к пушкинской «Осени» задан вопрос: что делают колхозники в это время года?

этот певец, этот Моцарт высокой теории, понимающей процессы взращивания индивидуальности в общем интерсубъективном речевом поле, – великолепно владел логикой генезиса саморазвития живого, тщательно и противоречиво (это комплимент) обсуждавшегося логиками теории *par excellence* – от Фалеса до Маркса. Поражает его открытость всем концептам человековедения. Уж в чем нельзя упрекнуть Л.С. Выготского – это в профессиональной замкнутости!

В чем же непреходящая ценность творчества Л.С. Выготского? Да именно в осознании тождества тезиса и антитезиса Канта! У Канта все антиномии задаются и разрешаются следующим образом: тезис содержит в себе и порождает для нас антитезис. Антитезис «беремен» тезисом и не имеет смысла без его экспликации. Динамичное тождество их, казалось бы, противоположных смыслов продуктивно для развития нового смысла антиномий – единство противоположностей как решение скрытой в антиномиях проблемы. Ведь на самом же деле именно это их тождество движет каждым нашим шагом на жизненном пути. Разве мы подчиняемся объективным обстоятельствам, когда они непреодолимы? Нет, тысячу раз нет! Без попытки их изменить человек и шагу не сделает. Его судьба – в борьбе за целесообразное и произвольное изменение обстоятельств, что оборачивается самоизменением. Творчество – вот суть человеческой жизни. Даже отказ от творчества, приспособление к обстоятельствам требует пусть тупой, но энергии отказа от борьбы. Снова воля самого человека! Можно не уважать мотивы отказа, оставляя их на совести слабого духом и волей. Но ведь и отказ есть субъективная мотивация поведения! Так наш постулат общего человековедения сохраняет свою априорность и тем самым свою, не требующую доказательств, ясность, как и всякий теоретический постулат.

Отсюда – и то, что можно назвать *геномом нравственного чувства*.

Уникальная способность человека совершать целесообразно произвольные действия, обращенные к сочувствию других людей с надеждой на взаимопонимание, к свободному событию с ними как к бытию добра, бытию *нравственному*, – вот начало и высшая ценность человеческой истории и культуры! Но, увы, его же свободная воля способна привести и к подавлению свободной воли других, к ограниче-

нию их свободы вплоть до лишения самой жизни (бытие зла). И никто из нас не может решиться на слово или поступок без предчувствия важнейшего его результата – отношения к нему других людей. А это значит – к каждому из нас как личности, к мотивам и возможным результатам нашего слова и поступка. Главное в этом их отношении оценка не утилитарной надобности в нас, а полезности для себя наших слов и дел. Главное – это не всегда актуально осознанное, но однозначно мотивирующее реакцию других на наши слова и поступки соотношение их с «пространством» собственной свободы – свободы мысли, свободы чувств, свободы их действий. Смыслонесущее предчувствие этой *нравственной* реакции заставляет нас всякий раз заново преобразовать каждое наше обращение к другим людям в нравственном же поле общения, воспроизводя тем самым это поле как интерсубъективную реальность.

Иными словами, любой наш поступок, задуманный или импульсивный, неизбежно поверяется нами и в нас степенью его свободы. Или, если хотите, духом свободы – единым интра- и интерсубъективным аффектом человеческого события. Поверяется на *человечность* как (пусть не обговоренное, в правилах и максимах не запечатленное) изначально и объективно главное условие (и предпосылка!) осуществления жизни человеческого типа. Поверяется не в суде, не на площади, не на собраниях – в нас самих. Ибо каждое Я – носитель и субъект этого духа, субъект собственной воли к свободе.

Ограничение всегда ожидаемой поверкой на человечность – ее исток и возможность волевого усилия. Не сам по себе организм собирает силы к действию (или бездействию), непереживаемые смыслы ситуации общения неизбежными последствиями своими диктуют ему импульс аффективно-смыслового усилия. Быть или не быть поступку (действию, слову, тексту, музыке, картине и т. п.) прежде всего зависит от того, насколько сам человек увлечен необходимым ему обращением *urbi et orbi* – к *городу и миру*, к другим людям, к вечности, к себе самому. От этого во многом зависит и то, хватит ли силы человеку преодолеть... себя. И не только от ожидания прямого или косвенного сопротивления других, но и от их возможного невнимания и непонимания. А также от сопротивления используемого материала, а следовательно, и от всегда вязкого течения самого поступка-действия, непрерывно грозя-

щего запутаться в собственных «шагах». Сила преодоления себя и обстоятельств, креативной их перестройки и есть сила свободной воли. Ибо сама эта сила оборачивается не чем иным, как усилением целенаправленного преобразования реальности и прежде всего себя как реального субъекта – того, кто владеет своим телом и в какой-то мере объективными условиями его жизни.

Так и получается, что и интеллект, и высокие эмоции, и нравственный императив (по Канту – «нравственный закон внутри нас»), и воля, и интуиция действительно осуществляют *одну способность* – способность не принимать все, как есть, а преобразовывать то, что есть, синтезируя новые образы в новые реальности бытия. Эта способность и сила ее в обособившемся мире всеобщих символов торжества жизни и духа – *высшие эмоции*. В обособившемся мире дискурса – *интеллект*. В субъективном мире собственного Я – *воля*; и во всех мирах человеческой жизнедеятельности, всегда обращенной ко всем, а поэтому и к каждому (в том числе и к себе), – *нравственность*.

Возможно, что абсолютное противопоставление друг другу этих миров исторически переходяще. Недаром же пластика эстетических переживаний, временно потерянная в материале знакового дискурса, всё же постоянно прорывается в откровениях простых и красивых его формулировок. Недаром и сами «рационалисты» считают истиной творчества в науке не расчет, а интуицию и озарение, подготовить к которым способно, по их мнению, только искусство. Не менее симптоматично и вдохновляющее художников слова, кисти, музыки и пластики эмоциональное переосмысление «сухих и рациональных» научных открытий: будь то ньютоновская модель Вселенной или эйнштейновский абсолютный релятивизм, «Идеи» и «Благо» Платона или *Бессознательное* Зигмунда Фрейда.

* * *

Мне уже успели сказать первые читатели этой рукописи, что мои претензии на определение постулата общего человековедения выглядят как наглая узурпация истины. Обидятся все те теоретики, которые исходят из иных оснований своих теорий, – чем же они хуже меня?!

Мне кажется, что это возражение определено непониманием природы постулата теории.

Постулат априорен по определению: он в доказательстве не нуждается, ибо ясен сам по себе, утверждая себя как безусловное начало теории, как мера всех будущих преобразований ее предмета. А ведь он всего-навсего очерчивает ее предметное поле: геометрия будет во все века заниматься смыслами *мер* простирания бытия. Механика – взаимозависимостью смыслов категориальных *мер* времени, пути, скорости и инерции движения масс, а астрономия – смысловыми *мерами* всех реалий Вселенной. И любое осмысление бытия человеческого возможно лишь в круге смысла, очерченного третьей антиномией чистого разума И. Канта.

Но и до него в том же круге вращалось всё мыслимое людьми в ритуалах первобытных родовых общин. Об этом говорит наделение ими всех явлений природы произвольной и целесообразной движущей силой их существования. В мифах первых народов Земли, как позднее в мировых религиях, – то же противоречие бытия человеческого – зависимости воли и целей жизни людей от сверхъестественных и естественных обстоятельств и свобода выбора, целенаправленность и произвольность субъективной мотивации поведения их героев, оцениваемого богами поддержкой или карами. Предметность всех теорий человековедения – истории, физиологии, психологии, социологии, экономики и т. д. – очерчена кругом этого противоречия.

Это нельзя выдумать, ибо теория как таковая есть не что иное, как разрешение противоречий в мерных смыслах *мыслимого бытия*. Она пробует себя в эксперименте и технической практике освоения теоретических идей, но и при этом остается чистой теорией. Ее исходный постулат не подвергается сомнению, поскольку он не выводится из профессиональных приложений, полагая себя как нечто до них и без них сущее в теоретическом мышлении.

Первый же постулат Евклида провозглашает точку и ее движение, образующее линию. При этом точку нельзя разрезать на две, и если изъять из линии, образуемой движением точки, бесконечное количество точек, то на линии останется... бесконечное количество точек. Все геометрические преобразования базируются на данном постулате. Чем подтверждается его абсолютный априоризм. Повторяю: предмет любой теории задается ее постулатом, очерчивающим поле соответствующих ему смысловых мер мыслимой реальности бытия. Развитие

предмета теории не выходит за рамки ее постулата. Однако постулат при всей априорной ясности своей неизбежно содержит в себе противоречие – свое утверждение и свое же отрицание: точку нельзя разрезать на две, но ведь эту операцию мы мысленно предполагаем. Динамичное, активно пульсирующее тождество «нельзя» и «можно» снимает напряжение этого противоречия (немецкое *aufheben* – снятие с удержанием). При этом рождается новый, вернее, преображенный постулат. История развития теории выстраивается на новом основании, сохранившем в себе преображенное – исходное и фундаментальное.

Важно помнить и то, что сам Л.С. Выготский, анализируя причины исторического кризиса психологии, увидел главную из них в том, что психологи мечутся от «натуры» к «культуре» и обратно. Тем самым они либо пытаются найти корни духовности его жизни в теле человека и его реакциях на стимулы «среды», либо ищут их в исторических формах культурного общения. Понять же противоречивое тождество этих «противоположностей», четко очерченное третьей антиномией Канта, они не способны. Кант для них не авторитет – он философ, а не психолог. Только ведь постулат Канта – *тождество телесности и субъективности*, возвратившее нас к Спинозе, к его одной и единой субстанции Бытия, – это постулат общего человековедения, лежащий, повторю, в основе и физиологии, и психологии, и истории, и литературоведения, и всех других теоретических дисциплин, предметом которых является жизнь и деятельность человека.

Так и предметом любой теории служит ее априорно постулирующее начало, оно же мера всех ее смыслов, не существующих в качестве вещей. Теория имеет дело исключительно с мерами смыслов, рождаемых их внутренними, всегда имеющимися противоречиями, стараясь разрешить таковые. Теоретическая работа радикально преображает исходные условия первоначального полагания смыслов, добиваясь предельной ясности противоречий, разрешение которых определяет ее цели. Практическая утилизация этих целей не ее дело. Потребность в практическом их осуществлении выявляется корыстными интересами разных живущих за счет других социально организованных групп (классов, стратов, государственных и общественных организаций и т. п.). Идеология исправно оправдывала своекорыстие их зависи-

мости от теории. Задача теории – выбросить идеологию на свалку истории.

Теперь – самое неожиданное...

Оказывается, я исподволь доказал то, что культурно-историческая теория в психологии есть, она жива, а следовательно, имеет свои методологические основания и проблемы. Это значит, что я обязан удовлетворить заказ на статью, этой теме посвященную. Как же мне могло показаться, что теоретический концепт культурно-исторической психологии – это миф?! Разве труды Л.С. Выготского разворованы и исчезли? А Платон, Плотин, Ф. Бэкон, Спиноза, Кант, Фихте, Гегель, Маркс? А Э.В. Ильенков? А трепетный старатель на той же ниве, добрый наш друг Майкл Коул? И не менее преданный культурно-исторической психологии Джим Верч и многие другие, так или иначе, но стремящиеся выразить себя в концепте культурно-исторической логики общего человековедения и психологии? А раз есть такая теория, то есть и логика ее самоопределения.

Прежде всего есть ее постулат, без которого нет и не может быть психологической теории. И звучит он так: *все обеспечивающие жизнь человека телесные процедуры мотивированы их произвольным целеполаганием, оставаясь при этом именно телесными, включенными в обмен веществ, зависимыми от простуд и вредных привычек*. Есть и главный вопрос ее: *как возможна субъективная мотивация всех жизненных процессов Homo sapiens?* Затем следует логика ответа на него, исключаяющая картезианскую, бихевиористскую (стимул–реакция) парадигму: следует найти хотя бы гипотетическое начало жизни – самопроизвольного, себя постоянно воспроизводящего бытия. И для теории пока не важно, что определение его начала гипотетично: теория ищет оправдывающий всю историю жизни на нашей планете смысл (*меру*) мыслимости такого начала. И этого пока более чем достаточно.

Следовательно, для фундаментальной психологической теории – теории становления *особенностей* субъективной интенции бытия *Homo sapiens* следует выйти на определение истока и начала *Жизни* как планетарной реальности. Да это и делалось всегда и во всех стоящих упоминания психологических теориях! Помните хотя бы А.Н. Леонтьева: реактивность

простейших (амебы и т. п.), тропизмы (подсолнух, следящий своей головкой за положением солнца на небе) и далее – вся эволюционная лестница усложнения телесных средств и способов субъективной мотивировки поведения у животных. И так вплоть до рефлексивной способности человека произвольной *субъективной и целенаправленной волей* своей «исправлять» генетические предопределения телесной жизни, креативно и целенаправленно перестраивать свое самосознание, творить в нем новые «миры», потребные не только индивиду, но и человечеству!

Ведь субъективная мотивация жизнедеятельности всех видов и подвидов животного царства на планете Земля и есть не что иное, как объективное самоопределение жизни в качестве *природного феномена*. *Субъективность* – общее поле всего живого, усилиями субъективной рефлексии всех его видов воспроизводящее себя как единое целое. Развитие этой сущности Жизни до способности преодоления развитием культуры людей видовых (генетических) ограничений – вот тайна его начала, требующая разгадки и от психологии! Но, следовательно, фундаментальная психологическая теория должна быть открытой для смысловых мер предмета разных теорий.

Но прежде всего открытой для смысловых мер Бытия-Небытия всего сущего, исследуемых и создаваемых философией. Ибо именно ее всеобщие *смысловые меры* мыслимости *Бытия* для теоретического осознания субъектив-

ной мотивации *бытия живого* своим развитием определяют и логику развития психологической теории. Это начало должно сохранять себя в определениях каждого шага теоретического осмысления интерсубъективного речевого поля, в котором человек и приобретает способность субъективно мотивировать все свои жизнедеяния. Единицей этой способности служит не частная абстракция типа взаимопереходов реальных форм в идеальные и обратно, но акт вести – акт обращения к другим и к себе как к себе другому. Речевые средства обращения каждый раз переосмысливаются, творчески и по цели преобразуются, что и делает человека творцом языковых форм, даже самых простых и лишь на первый взгляд клишированных. И это не философия, подменяющая собой психологическую специфику исследования начал души, а именно психология в ее фундаментально-теоретическом обосновании.

Такова логика и методология культурно-исторической теории. Об этом я много писал, и вас, уважаемые читатели, для раскручивания логики культурно-исторической психологической теории отсылаю к моей монографии «Самоопределение культуры» [3] и к последним только опубликованным статьям: «Немота мысли» [4], «Прощай, философия!» [5], а также к выходящей, как я надеюсь, в скором времени в журнале «Вопросы философии»: «Кант versus modern psychology».

В заключение украду у Лютера сакраментальную фразу: «Я сказал. И тем спас свою душу».

Литература

1. Бибихин В.В. Язык философии. М., 1993.
2. Кант И. Сочинения: В 6 т. Т. 3. М., 1964.
3. Михайлов Ф.Т. Самоопределение культуры. М., 2003.

4. Михайлов Ф.Т. Немота мысли // Вопросы философии. 2005. №2.

5. Михайлов Ф.Т. Прощай, философия! // Эпистемология и философия науки. 2005. №2.

6. Эльконин Д.Б. Введение в психологию развития. (В традиции культурно-исторической теории Л.С. Выготского). М., 1994.

The problem of the method of cultural-historical psychology

F.T. Mikhaylov

Ph. D., Professor, Member of the Russian Academy of Education,
Head Researcher of the Institute of Philosophy of the RAS, Head of the Department of Philosophy and Culturology of the
Moscow State Medical University, Professor of the Psychological Faculty of the M.V. Lomonosov MSU

The author analyzes the multifaceted, contradictory and often tragic fate of cultural-historical psychology, the theory of V.V. Davydov, the history of the Psychological Institute of the RAE; the original theories of the followers of L.S. Vygotsky are outlined.

Considering the foundations of the works by Vygotsky, his disciples and followers, the author formulated the core question: how the exclusively subjective motivation of all the voluntary and goal-oriented activity of human beings becomes possible?

The postulate of psychological theory, according to Mikhaylov, is as follows: all the bodily procedures ensuring the continuation of human life are motivated by voluntary goal-setting; but anyway they continue being bodily procedures per se, included into the circulation of substances, dependant upon common colds and bad habits.

The subjective motivation of life activity of all species and sub-species of animals upon this Earth is nothing but objective self-determination of life as natural phenomenon. In science the common measures of meaning, of being able to think Being for theoretical awareness of subjective motivation of living being define the logic of development of psychological theory. This source must preserve itself in definitions of each step of theoretical meaning-making of intersubjective speech field, within which human being masters and appropriates the aptitude to motivate all his life actions subjectively. The unit of such aptitude is not a particular abstraction, such as inter-transitions of real forms into ideal forms and back again, but the tidings – the act of addressing others and oneself as other-in-oneself. The speech tools of addressing are reconsidered each time they are creatively transformed according to the goal, that's why human being becomes the creator of linguistic forms, even the simplest ones, which may seem cliché. And this is not philosophy, deceiving, trying to insert itself instead of psychological investigation of the beginnings of the soul, this is the most profound psychology in its fundamental theoretical explanation.

Keywords: cultural-historical theory, theory of learning activity, subject matter of psychology, postulate (axiom) of the theory, the third antinomy of Kant, subjectivity, embodiment.

References

1. *Bibihin V.V.* Yazyk filosofii. M., 1993.
2. *Kant I.* Soch:V 6 t. T. 3. M., 1964.
3. *Mihailov F.T.* Samoopredelenie kul'tury. M., 2003.
4. *Mihailov F.T.* Nemota mysli // Voprosy filosofii. 2005. № 2.
5. *Mihailov F.T.* Proshai, filosofiya! // Epistemologiya i filosofiya nauki. 2005. № 2.
6. *El'konin D.B.* Vvedenie v psihologiyu razvitiya. (V tradicii kul'turno-istoricheskoi teorii L.S. Vygotskogo). M., 1994.